

Автор представлен членом Художественного совета **Юрием Семенцом**

Подснежное

Это была ядерная зима.

Черепашки исчезли, слоны стали ростом с детей,

Всех китов я теперь знаю по именам.

Их четыре, они плавают чёрт-те где.

И мой мир больше не стоит ни на чем.

Он то ли парит, то ли банально повис.

А время бурлит, оно сквозь меня течет

И где-то за поворотом с грохотом падает вниз.

Это была ядерная зима.

Щек и Хорив по-хозяйски обходят мой мир кругом.

«Сколько уж раз строили, твою мать!..»

Лыбедь уходит от них на соседний холм,

Расплетает косы, кормит китов с руки,

Чекинится, ложится в траву (откуда трава зимой?)

И наблюдает, как самый маленький кит

Подставляет спину под мир неуютный мой.

И мир, обретает опору, основу, смысл,

Координаты в пространстве, легенду, душу.

И я оживаю до следующей зимы.

Теперь ты придёшь – тут снова есть, что разрушить.

Йок

Йок, говорит сердце, йок.
Беги, говорит сердце, пора.
Это не твой урок.
И не твоя игра.

И не тебе решать,
Видеть, дышать, смотреть.
Давай, говорит сердце, пошла.
Быстрее, говорит сердце, быстрее.

Стой, говорю я, стой.
Есть и другой ответ.
Йок, говорит сердце, йок.
Нет, говорит сердце, нет.

Выбор, говорит, велик.
Не бойся, говорит, я с тобой.
Видишь, говорит, углы?
Забейся, говорит, в любой.

Дай шанс мне, говорю, дай срок.
Я пластырь захвачу, бинт, йод...
Йок, говорит сердце. Йок.
Йок.

Кино не для всех

А следующим кадром будет, конечно, дождь.
Тяжелый, бесшумный – совсем, как в немом кино.
И ты притворяешься, будто меня не ждешь.
И я притворяюсь, как будто мне все равно.

И мы притворяемся, будто умеем жить
Как взрослые. Просыпаемся по ночам
И думаем, что настолько привыкли к лжи,
Что можно ее, пожалуй, не замечать.

А следующим кадром будет, конечно, дом
И дерево. Сын. А возможно, еще и дочь.
И мы притворяемся, будто не помним «до».
А что было до? Ничего. Ничего и дождь.

А следующим кадром будет аэропорт.
У стойки на регистрацию никого.
И мы притворяемся: это, конечно, спорт –
Успеть убежать и спрятаться до того,

Как скрутит, порвет, завизжит и не даст дышать
Неведомо кто живущий совсем внутри.
Душа? Да какая к черту у нас душа.
Не знаю, мой милый, но что-то же там горит

И просится жить, и ломает последний кадр,
И выглядит жалким, диким, нелепым, странным...
И мы просыпаемся ночью синхронно, да?
Но в разных постелях, домах, городах и странах.

Суок

Не молчи. Говори обо мне, для меня, про меня,
И про то, как кончается воздух, когда меня нет,
И как снежные ветры имя мое звенят.
Почему ты молчишь, Суок? Ты молчишь обо мне?

Не молчи. Отвечай. Я придумал себе имена,
Под которыми ты меня будешь отныне искать.
Ты нужна мне, пожалуй. Не знаю, зачем, но нужна.
И поэтому я не намерен тебя отпускать.

Почему ты молчишь? Не молчи. Отвечай! Отвечай!
Почему ты решила, что я тебя не предаю?
Я сломаю тебя одним поворотом ключа
Закрываемой двери, опять уходя навсегда.

Я сегодня увидел во сне не тебя босую.
Не тебя. Почему ты молчишь? Рассказать детали?

Вы забыли, Наследник, – Суок вы давно сломали.
Это кукла, Наследник. Хотите, она станцует?

Колыбельная внутреннему ребёнку

Кызым*, море вздыхает нежно, как после оргазма.
Хочется сгрести в охапку и тихо петь ему.
Если ты можешь продолжить эту фразу,
Значит, кызым, ты уже выросла, а я не заметила.

Кызым, видишь, я говорю с тобой с побережья.
Побережья себя. За промилле до того, как отчаяться.
Казым, почему мы с тобой встречаемся реже,
Чем хотелось бы? Чем могло бы? Мы не встречаемся.

Потому что предавший единожды не остановится.
И на этом всегда с тобой безнадежно висли мы.
Кызым, мой незримый ребенок, моя сукровица,
Я же тебя предавала всеми, всеми мыслимыми.

Кызым, а теперь я сижу на краю своего смирения.
За полпромилле перед тем, как совсем отчаяться.
Шлю тебе мыслеформу: «ты верь мне, верьмневерьмневерьмне».
И ты хочешь простить меня, кызым, но нет,
не получается.

*Кызым (с турк.) - девочка, дочка

Глина

Ты устал, словно Бог, сотворивший меня из глины,
Слишком поздно понявший, что ребра подходят лучше
Для создания всех зависимых и единых,
Не мешающих, не проблемных, не предающих.

Что же делать со мной, бракованной, самой первой?
Не принесшей ни радость мастеру, ни покоя?
Может, ну ее? Пусть кому-то мотает нервы –
Не тебе. Не тебе. Ты себе сотворишь другое.

Белотелое, теплое, пахнущее лавандой,
Молоком и хлебом, и чем-то еще знакомым.
Ты научишь ее говорить хорошо и ладно,
Ты научишь ее вязать и следить за домом.

По утрам будет петь, будет косу плести тугую,
И появятся дети однажды в ее утробе...
Не понравится? Не беда – сотвори другую.
У тебя их двенадцать. Двенадцать отменных ребер.

Ты сумеешь любую. Придумай – и станет явью.
Поцелуи, улыбки, подарки на именины...
Если поздно с работы – то ужин тебе оставят.
И тебя будут ждать... И тогда ты пойдешь за глиной.